

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (В.Г. Федотова):

Александр Иванович, в модернити, которую Вы объявляете как связанную с либерализмом, Вы как-то разделяете этапы развития? Или Вам кажется, что современность — это либерализм? Была ли когда-нибудь и может ли быть нелиберальная модернити?

Ответ:

Конечно, полной идентичности между либерализмом, индустриализмом, капитализмом и модернити не существует. Эти явления, как круги Эйлера, пересекаются. При этом на разных этапах модернити (а как мы знаем, существуют стадии раннего, среднего и позднего модерна) либерализм по-разному сочетается и с фазами капитализма, и с фазами индустриализма. Однако их органическое единство — это как бы исторический мейнстрим, отражающий классический тип эволюции западного общества. Но одновременно и демонстрирующий всем странам нечто такое, что ждет их на пути индустриализации. А главное — социально-экономической сфере жизни, где эволюция индустриального общества непременно требует укоренения и развития рыночных и товарно-денежных отношений — т. е. важнейших критериев модерна, которые одновременно наиболее адекватны и природе индустриального строя. Но все это без конкуренции, без обеспечения свобод и прав граждан (и прежде всего в сфере предпринимательства) не институализируется. Поэтому модернизация становится всесторонним и эффективно развивающимся общественным процессом только на принципах либерализма. Там же, где идеологические основания иные — а мы знаем, что существуют и нелиберальные формы осовременивания общества (возьмем, к примеру, сталинскую индустриализацию или «модернизацию в обход

модернити»), — там реформы носят выборочный характер и сопровождаются многочисленными рисками, высокими транзакционными издержками и потерями общественных ресурсов.

В.Г. Федотова:

Тогда у меня вопрос. Адам Смит в XVIII в. писал, что мы имеем рынок, но он у нас мал, нам нужны машины для того, чтобы организовать больше рынка. А вот Китай имеет рынок. Вот там настоящий рынок. До опиумных войн он имел потрясающий рынок, и Адам Смит выражал надежду, что он и будет еще в рыночных отношениях. У него был рынок и товарно-денежные отношения. Разве Китай был в состоянии модернизи?

Ответ:

Я не исключаю, что некоторые элементы рыночных отношений имелись и в ранних восточных обществах. Но в любом случае эти формы экономических взаимосвязей оказались неспособными повлиять на формы политического устройства государства, спровоцировать возникновение соответствующего типа личности, обеспечить ее достойное гражданское позиционирование. Как известно, «Восток — дело тонкое», и там на отношения человека и власти более эффективно влияли иные факторы — например, традиции, социокультурные стандарты и проч. Так что, возможно, рыночные связи по природе своей и не отличались от каких-то классических оснований, но вот их политические последствия оказались иными. Думаю, что в немалой степени это происходило и по причине отсутствия соответствующей системы ценностей и идеологических ориентиров.

Вопрос (А.Н. Окара):

Какова, по-Вашему, онтология либерализма? Можно ли говорить о том, что она меняется за последние, скажем, 200

лет в связи с изменениями и модификациями либеральных теорий?

Ответ:

Мне кажется, что перманентный пересмотр взаимоотношений между человеком (гражданином) и обществом, обусловленных социально-экономической и культурной динамикой, столь же однозначно определяет и изменения самих либеральных теорий. То есть все классические коллизии, которые лежат в основании либеральной конструкции, постоянно подвергаются разнообразным теоретическим трактовкам в процессе общественного развития. И то, как понимали (и понимают) эти вопросы Смит или Милль, Хайек или современные неолибералы, безусловно, представляет из себя разные либеральные версии. Хотя, повторюсь, в основании интеллектуальных интерпретаций лежат одни и те же социальные и политические универсалии. То есть универсалии одни и те же, а их референции разные. И если огрубить этапы исторической эволюции либерализма, то можно увидеть, что его аутентичные идеи, начинавшиеся с негативного понимания свободы, конечно же, существенно изменились. Причем их эволюция — возьмем для сравнения хотя бы неоконсервативные конструкции — показала гибкость его основных принципов, но отнюдь не стремление к распаду и самоуничтожению. Даже если вспомнить сочинения Роулса и других неолибералов, которые существенно сблизили либеральное течение с социалистической доктриной, то и здесь мы увидим твердую уверенность в первородстве идей свободы, защиты индивидуальных прав, частной собственности и других классических принципов. Хотя, конечно, теория справедливости дала новый толчок в понимании либеральных ценностей.

А.Н. Окара:

Александр Иванович, мне казалось, что в основе онтологии либерализма лежит представление о дискретности

бытия как такового и о механической дискретности, т. е. о возможности его разложить и потом собрать, в противоположность консервативной онтологии, в основе которой лежит представление об органичности, общности и неделимости бытия.

А.И. Соловьев:

Либерализм возникал в эпоху владычества рационализма, замешанного на механистической картине мира. Поэтому природа этого типа интерпретации мира позволяла доводить все процедуры дифференциации и диверсификации социального пространства как бы до логического конца, не исключая возможности его сознательного конструирования. В картине мира либерализма, безусловно, присутствовал некий «прометеев комплекс» — амбиции всезнающего и готового сразиться с любыми напастями свободного индивида. Этот романтизм со временем оказался изжит, условно говоря, в глобальном масштабе (в отношениях человека и природы), но не в социальном. Вспомним, что тот же Смит писал не просто о человеке, а о предпринимателе, о человеке, который прежде всего будет реализовывать свои права в основной сфере жизни. И только позже это понимание личности человека расширилось до его гражданского статуса, и человек-экономический совместно с человеком-политическим стали источником различных теоретических схем. В любом случае, смотреть на общественные порядки, проблемы совместности и дистанцированности человека либерализм предпочитает не просто рационально, но и несколько приземленно. При этом он не отрицает идеи совместности индивида и общества, но видит источник генерации социальной энергии в самом человеке, его гражданской пассионарности.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У меня, в сущности, вопрос, очень близкий к Вашему. Дело вот в чем: как любое утверждение, что либерализм —

хороший и незыблемый, любое утверждение такого сорта должно быть привязано к какому-то определенному времени, определенной ситуации и указано, на какое время. То есть утверждение, что либерализм будет главенствовать всегда, вызывает сомнение. Всегда — так не бывает... К какому времени он будет главенствовать? Общество развивается неравномерно: есть спокойные периоды его развития, есть бурные периоды, есть кризисы. Либерализм к какому периоду относится — к бурному или спокойному? Или Вы считаете, что это не важно?

Ответ:

Мне представляется, что в вопросе звучит какая-то линейная трактовка социальных процессов. Дело в том, что в обществе сосуществуют — причем одновременно — различные социальные потоки, каждый из которых обладает теми или иными неинституциональными параметрами. Возьмем, к примеру, те страны, где либеральная по своей природе система власти и управления институализирована. И все равно там определенным слоям, включенным в иные типы взаимодействия с властью, этого либерализма не хватает. Это и этнические меньшинства, и гендерные, и сексуальные и некоторые иные. Это те группы, которые слабо вписываются в уже устоявшийся социальный порядок. Им не хватает прав, и они становятся источником новых версий либерализма, но — в силу начального этапа их гражданского позиционирования — близких к аутеничному. В других либерально ориентированных странах те или иные группы могут испытывать дефицит социальной опеки государства и там формируются новые — и теоретические, и политические — оболочки либеральных идей. Ну, а поскольку в условиях непреодоленного дефицита ресурсов разногласия социального позиционирования (причем не только групп и индивидов внутри национальных государств, но и государств на мировой арене) сохранится весьма длитель-

ное время, то и источники обновления (переинтерпретации) либеральных идей будут сохраняться столь же долго и устойчиво. Коротко говоря, диверсификация различных версий и теоретических оболочек либерализма органично соответствует динамике встраивания индивидуальных и групповых акторов в конкурентную среду мирового и национального масштаба. Вот в чем корень проблемы. И будет ли при этом бурный период развития стран и народов или небурный — роли не играет. Просто теоретические картинки и политические формы либерализма, сопровождающие эти процессы, будут иными.

Д.С. Чернавский:

И все-таки, представим себе, что достигнута критическая точка, и мы близки к кризису. Вот в этой ситуации тоже либерализм обязательно должен быть?

Ответ:

Я не очень понимаю вопрос, Дмитрий Сергеевич. Что значит «мы достигли»? Если страна сталкивается с критической ситуацией — например, военными действиями, — то понятно, что уровень обеспечения прав и свобод в этих условиях может быть ограничен. Вы это имеете в виду? Но это же прикладная, чисто ситуативная характеристика динамики идей. К примеру, в рамках одного и того же кризиса могут быть ограничены политические права граждан, но при этом расширены их экономические возможности. Так что критическая ситуация всегда исторична, зависит от характера государства и состояния общественности, но в целом носит преходящий характер, и ее динамика может абсолютно не влиять на тип конституционного устройства. То есть даже в условиях кризиса либеральная природа основных нормативных документов государства, традиций и практик, составляющих основания социального порядка, может и не меняться.

Д.С. Чернавский:

Очень сильно меняется!

А.И. Соловьев:

Да нет, не меняется, просто временно ограничивается. Это как в случае болезни: человек принимал лекарства, временно перестал ходить на работу, но не умер и не превратился при этом в крокодила. Это проблема исторического и физического времени.

Д.С. Чернавский:

Временно — это на сколько? На 10 или 20 лет?

Ответ:

Очень абстрактный вопрос. В целом можно сказать только одно: такие ограничения распространяются на время острой фазы кризиса. И потом, если Вы задаете конкретный вопрос, то поясните, что Вы понимаете под кризисом? Это высшая точка неопределенности какого (социального, экономического, политико-административного) развития? Понятно же, что во всех этих случаях меры ограничения, их временной период, характер урегулирования различными режимами будут различными. И, как я уже говорил, в ряде случаев регулятивные действия могут вообще не касаться ограничения прав и свобод населения.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

У меня два вопроса. Помимо западного культурного ареала имеется ли (когда-нибудь — сейчас ли, в прошлом ли) успешный опыт реализации идеологии либерализма?

И второй вопрос — на уточнение. У Вас прозвучало такое противопоставление либерализма и системы, связанной с приматом групповых интересов, как некий путь к тоталитаризму. Что конкретно из этой модели групповых интересов мешает либерализму? И вытекающий отсюда подвопрос:

у Вас в связке прозвучало либерализм — демократия. Либерализм — это апелляция к индивидууму, а демократия — это власть народа, т. е. опять-таки групповой интерес. Каким образом групповой интерес и демократии связаны с либерализмом, утверждающим примат индивидуальности?

Ответ:

Прежде всего уточню, что демократия не является властью народа. Это форма осуществления власти *при помощи* народа. То есть в данном случае власть и управление профессионально отправляются достаточно узкой группой лиц, но под общим контролем гражданского населения. Причем при постоянстве функций элитных слоев у гражданских структур (населения) властно-управленческие функции существенно меняются — от выбора своих представителей до осуществления повседневного контроля, участия в обсуждении решений и проч. Иначе говоря, отношение к демократии как к народовластию не просто является упрощением, но и не дает возможности понять природу этого типа организации власти. Стоит подчеркнуть и то, что у демократии — и об этом я говорил в докладе — с либерализмом непростые отношения. Почему? Потому что демократия, при всех ее возможностях, которые она предоставляет людям в отношении власти, не направлена на обеспечение интересов каждого индивида. Более того, она функционирует не на основе формального признания прав, а на основе реального их отправления. То есть учитывает, кто и как может фактически реализовывать свои права. При этом, как и любая форма власти, она ориентирована на групповые приоритеты. А в зависимости от характера этих групп, вообще может быть направлена и против прав человека, преследуя цели избранных групп населения. Даже если вы возьмете так называемую социалистическую демократию (которую расхваливали именно за ее — на деле показную — толерантность), то и здесь обнаружится приоритет трудящихся, а не каких-либо иных слоев. В любом случае, групповые приоритеты являются

основанием для правовых, политических и иных *ограничений* прав других групп населения, что сокращает их социальные возможности по сравнению с этой приоритетной группой. Такие варианты и способны в конечном счете привести к установлению группового тоталитаризма. О таких вариантах еще в середине прошлого века писали ряд авторов — например, Ханна Арендт и другие мыслители. Но, к сожалению, прямо противоположным образом мыслят многие наши политики: сегодня, говорят они, в стране славянского населения более 80%, поэтому мы и будем делать так, как нужно этой части населения. А остальные — всякие там узбеки, китайцы, татары и прочие — пусть заткнутся, ибо нас большинство. Типичная форма тоталитарного мышления. Либерализм, конечно, исключает такого рода взаимоотношения, настаивая на том, что все граждане (независимо от своей этнической или профессиональной принадлежности) равны. В этом отношении либерализм предстает как идеология утверждения гражданской телесности человека; как идеология, направленная на формирование гражданской нации; как идеология демократии, ориентированной на выравнивание исходных прав всех проживающих в стране людей.

Второй вопрос, как я понимаю, касается оценки возможностей либерализма в других странах и прежде всего за пределами Западного ареала. Я не хочу упрощать ситуацию и утверждать, что все страны сегодня *должны* ориентироваться на либеральные порядки. Как я уже говорил, традиции, массовые культурные стереотипы и многие иные вещи из этого контекста существенно влияют на требования к организации власти. И все же, для меня непреложным значением обладает такой факт: если у людей нет возможностей проявлять свои индивидуальные способности и задатки (неважно под влиянием каких факторов), реализовывать их в различных сферах жизни, и если все время ограничивать их возможности, ссылаясь на дедушкины традиции, то в этом случае либерализм, конечно, будет вытеснен на периферию

такого социума. Но ведь и общество существенно затормозит свое развитие.

Как мы помним, либерализм прежде всего отстаивал свободу человека в сфере предпринимательства, которое как та-ран должно было пробить броню феодального, сословного, закрытого общества. Тогда это было символом социального раскрепощения человека. Сегодня ситуация иная. Но если посмотреть на общую логику общественного развития, то общий знаменатель все равно остается прежним: любое — неважно, восточное, евразийское, африканское — общество в своей исторической эволюции рано или поздно будет решать вопрос о возможностях своих граждан наращивать свои индивидуальные социальные ресурсы, причем в любых сферах жизни. И для этих обществ либерализм будет не инструментом искусственного перестраивания общественных порядков, а идеологией, сопутствующей логике их страновой эволюции и зрелости гражданских структур. Иначе говоря, требовать от мальчика в 5 лет детородной функции не стоит, а вот лет через 10–15 эта его репродуктивная способность все равно пробьет себе дорогу. Так что и на Востоке либеральный характер изменений будет неизбежным, хотя и предложит иную форму социального протекания. Ведь, коротко говоря, либерализм — это учение о самораскрытии человека в обществе. И боюсь, что у него нет перспектив только в сфере неживой природы. Хотя в этой области я не разбираюсь.

В.Э. Багдасарян:

Так что же, восточные общества пока не доросли до либерализма?

Ответ:

«Доросли — не доросли» — это не та постановка вопроса. Развитие у всех стран нелинейное, и проблема заключается в том, насколько граждане будут чувствовать свою самостоятельность и самодостаточность в той или иной стране. По-

нятно, что историческое время для этого у всех разное. Но здесь ведь и другой вопрос скрыт. Мы с Вами давно спорим о проблеме наличия и характера влияния традиций на человека и общество. И, казалось, пришли к выводу, что разные типы личности по-разному отвечают на вопрос о том, что для них значит прошлый опыт. На Вас, к примеру, влияют детсадовские традиции?

В.Э. Багдасарян:

Я думаю, что да.

А.И. Соловьев:

А на меня нет. Потому что я в детский сад не ходил. И я думаю (такой я человек), что контекст оказывает на меня большее влияние, чем память прошлого. Ведь кто является носителем традиции? Это человек, который востребовал некий положительный для него прошлый опыт для решения актуальных задач, а не просто для того, чтобы побаловаться. А если контекст не позволяет или человек не востребует, то где эта традиция? А если она не институализирована, то какое влияние она может оказать на других? Вы что же, ругаете за то, чтобы насильственно воплощать традиции в деятельности тех людей, которым они не нужны? А в нашей истории есть классические примеры насильственного регулирования традиций (вспомним хотя бы, как сталинский геноцид уничтожил либерально-демократическую традицию в стране).

В.Э. Багдасарян:

Я спросил, возможен ли либерализм за пределами Запада?

Ответ:

Это понятно, но ведь вопрос упирается в определение силы традиций, которые сдерживают возможности государства и общества в части гражданского раскрепощения индивида. Человек — это же не механическое существо, он берет

из прошлого в современность только то, что ему необходимо сейчас, в чем он ощущает потребность, что для него есть ценность. Если этого нет, то все это превращается в напускные, имитирующие приобщение к традиции формы деятельности. Они не сохраняют и не развивают культуру, не обогащают ни самого человека, ни общество. Воплощение традиций только тогда хорошо, когда человек является активным носителем культурных ценностей. Но для этого прошлые ценности должны быть спроецированы на современность. А если мне этого не нужно? Тогда традиция мертва. Например, в России есть монархисты, и, предположим, что их немало. Но если эти люди не могут оказывать влияние на крупные социальные аудитории и, тем более, на институты власти, то разве можно говорить, что *общество следует* этой традиции?

Вопрос (В.Н. Лексин):

Одним из идеологических краеугольных камней либерализма является слоган «права человека». Он абсолютно универсален? Его понимание, его онтология — едины во всех странах, среди всех страт людей? Или это европейский принцип, который претендует на универсальность? А если, скажем, взять арабский мир или Израиль?

Ответ:

Если Вы интересуетесь моей точкой зрения, то могу сказать, что этот принцип абсолютно универсален. Хотя и родился в Европе (как, к примеру, канадский хоккей, в который неплохо играют и у нас). Мы только что дискутировали с Варданом Эрнестовичем относительно универсальности либеральных течений. Еще раз подчеркну: этот принцип универсален, но время его идеологического проникновения и актуализации в различных странах, а равно и степень восприятия массовой культурой, различны. Если взять базовые ценности восточной культуры, утверждающие, что между человеком и обществом, человеком и властью обязательно должен быть некий

посредник (гуру, учитель, который научит, подскажет, как правильно себя вести), то понятно, что с таким состоянием массового сознания людьми еще очень не скоро будет принята идея самодостаточности индивида, его готовности к любым формам социального взаимодействия (идея, которая лежит в основании западной, греко-латинской цивилизации). Может быть, умом восточные интеллектуалы и поймут ценность индивидуальных свобод, но вряд ли будут испытывать от этого комфорт в совершенно ином социуме. Однако динамика политической жизни (или, иными словами, конкуренция за ресурсы) такова, что в конечном счете фигура посредника будет вытеснена из массового сознания, а потом, глядишь, начнутся и более существенные подвижки.

В.Н. Лексин:

Уточню свой вопрос. Что дает нам всем основание полагать, что европейская модель прав человека органична любому человеку — тому, который нуждается в гуру, и тому, который нуждается во власти, или еще какому-то? Кроме ощущения, что мы все живем в этом мире, что это наш европейский мир, — что дает основание полагать, что это слово последней инстанции?

Ответ:

Эти основания очень простые. Для примера хочу привести некоторые положения психологической теории Леонтьева. Он говорил, что все люди рождаются с одними и теми же задатками, абсолютно с одним и тем же набором качеств. Однако превращение задатков в способности — это процесс воспитания, социальной эволюции, социализации и т. д. Среда превращает универсальные свойства человека в тот или иной набор его реальных социальных характеристик. По аналогии столь же универсальным следует признать и общественный генотип человека, демонстрирующий его постепенный отрыв от сообщества, в котором он ро-

дился, и постепенное раскрытие им своих индивидуальных черт. Самораскрытие, самореализация — это главная цель и формула жизни человека. Но понятно и то, что не у всех людей получается сформировать нужные для жизни навыки или же реализовать обозначенный жизненный алгоритм. Тем не менее, разнородные практики не влияют на наличие исходных универсальных параметров человеческой жизни. В этом смысле либерализм настаивает на том, что рамки превращения задатков в способности должны быть для всех людей одинаковыми, равными. Если это соблюдается, тогда можно говорить о прогрессе общества, развитии личности и т. п. Другими словами, ни государству, ни обществу нельзя ограничивать человека, заранее (в виде набора традиций) сообщать ему, в чем смысл его жизни и т. д. Обществу надо создавать возможности для собственного понимания человеком этих истин. В решении этой задачи я и вижу социальное значение института прав человека. Хотя понятно, что не все страны готовы к такой свободной стилистике человеческой жизнедеятельности, готовы избавиться от навешивания на индивида ограничений местного и локального характера.

В.Н. Лексин:

Как мне кажется, пространство либеральной идеологии очень дифференцировано, причем оно дифференцировано и по территории, скажем, нашей страны. Это есть во всем мире. Не может ли в таком случае сам либерализм нести в себе зерна определенной конфликтогенности, т. е. столкновения разных либерализованных структур с разным пониманием прав человека? Причем может ли случиться так, что стороной нападающей, желающей применить эти стандарты, воспитать других людей, станут какие-то страны?

Ответ:

Здесь я вижу два вопроса. Во-первых, как я уже не раз говорил, либеральное течение неоднородно, оно связано с ин-

тересами различным образом позиционированных групп и потому неизбежно конфликтогенно. Но эти внутренние противоречия накладываются еще и на противоречия разного уровня усвоения данной доктрины, а равно на противоречия, связанные с ее практическим применением. Ведь либерализм не интерпретирует и не уравнивает конечные продукты социализации. И если один человек умеет пользоваться правами, а другой — нет, то первый окажется более конкурентоспособным и будет относиться к либерализму иначе, чем менее оснащенный ресурсами и навыками индивид. Поэтому либерализм конфликтен, точно так же как и демократия. Другой аспект — это, как Вы говорите, «попытка заставить» человека принять либерализм, «воспитать» человека в таком духе, «навязать» ему либеральное учение. Но это уже является проблемой прикладного характера, и она имеет такое же отношение к либерализму, как и к любой другой идеологии. Это проблема носителей каких-то идеологий (тех, кто считает себя либералами, коммунистами, фашистами или кем-то там еще) и которые выбирают инструменты диссиминации своих учений. В этой связи Вы спрашиваете, может ли быть экспансия либерализма? Да, конечно, экспансия может быть чего угодно — религии, идеализма, либерализма, марксизма, маизма, наконец. Любую идейную систему можно довести до предела и даже до абсурда, навязывая ее людям. И таких фанатов либерализма история дала нам в избытке. Но ясно, что любое насилие, принуждение в сфере духа всегда оборачиваются противоположными результатами.

Вопрос (В.Л. Римский):

Хотелось бы узнать Вашу точку зрения по такому вопросу: а как по либеральной концепции возможно построение общества? Ведь если все люди развиваются свободно, и если особых пределов в свободе детей не устанавливать, то мы можем получить очень много отклонений — даже таких, которые сейчас принято называть экстремистскими. Как в этой ситуации бу-

дет осуществляться сотрудничество в обществе, превращение индивидов в членов общества, каких-то сообществ?

Ответ:

Замечу, что одним из основополагающих принципов аутентичного либерализма всегда была и остается идея взаимной *ответственности* индивидов.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Позвольте маленькую ремарку. В нашей Конституции записаны права и свободы. Никакой ответственности в этой связке нет. Вопрос: откуда это привнесение в либерализм, которое Вами берется совершенно из других идейных течений? Что это за замещение такое?

Ответ:

Во-первых, Степан Степанович, почему Вы говорите о российской Конституции, т. е. правовом документе, как о библии либерализма, да еще в таком вольном толковании? В ней что, все классические принципы либерализма отображены или они там собраны в одной статье и там больше никаких других положений не имеется? Очень в этом сомневаюсь и утверждаю, что в этом документе и гражданская ответственность так же прописана. Во-вторых, обратитесь к классикам, почитайте Локка, Милля или Гоббса, т. е. тех авторов, которые теоретически формировали это учение, и Вы увидите, что идея ответственности является для либерализма основополагающей, без нее вообще не интерпретируются ни свобода, ни права человека.

Возвращаясь к вопросу В.Л. Римского: дело не в радикализме, а в тех девиациях, которые неизбежно возникают при любых попытках государства на практике установить правовые, политические и административные ограничения индивидуальным свободам. Разные государства — разные трактовки гражданских прав и, соответ-

ственно, разные ограничения. Это проблема практическая, конкретно-историческая, на нее нет готового теоретического ответа. И дело не столько во внутренних недоговоренностях либерализма, сколько в форме организации власти, в инструментах давления государства на общество. Вспомним германскую демократию в начале прошлого века, которая сама себе уничтожила, предоставив права людям, которые не являются ее сторонниками. То есть риски безответственного поведения граждан по отношению к государству есть и будут всегда. И никакого готового ответа, подходящего для всех условий, не существует. Это вопрос социальной среды, в которой выстраивается либеральная модель, проблема институтов, созданных на этих принципах, проблема моральной атмосферы общества. Помните, говоря о воспитании Лев Толстой писал, что воспитание только тогда становится трудным и неразрешимым делом, когда воспитатель не понимает, что это прежде всего проблема его собственного отношения к провозглашаемым принципам. То есть, если власть не будет сама показывать образцы уважения к человеку, то и от него она не дождетя ответственного поведения. Если у нас Президент говорит чиновникам: «ребята, откройтесь, покажите свои доходы», а ФСБ отвечает: «кукиш вам, это секретные данные, и мы их публиковать не будем», то ясно, что государство таким образом только имитирует свою ответственность перед обществом. И чего же тогда оно хочет от общества? И чем жестче государство будет чего-то требовать от общества, уклоняясь при этом от собственной ответственности перед ним, тем более радикальным будет и ответ общества.

Вопрос (В.Л. Римский):

Даже у Вас в докладе прозвучало слово «давление». Значит, какие-то ограничители нужны? Где границы либеральных ограничений? Как понять, что вот за этой гранью мы уже выходим из пространства и концепции либерализма?

Ответ:

Еще раз повторю: это не вопрос обоснования самого теоретического принципа, а вопрос практических форм воплощения. Среда, институты власти, моральная атмосфера — вот основные факторы, которые и определяют возможности либерализации. Думаю, что социальная конструкция является либеральной до тех пор, пока в обществе гарантированно (на основе судебных санкций) соблюдаются основные современные политические, гражданские, социально-экономические права. Либеральные ценности — это не интеллектуальные продукты, а основания действующих в государстве правовых норм. И в этом смысле практика всегда убийственно конкретна: либо государство борется за права человека, либо делает вид, что борется. Понятно, что для России годится одна формула либерализма, и она не такая, как в США. (Попутно скажу, что я согласен со многими теоретиками, которые считают, что в Америке существует особая форма *воплощения* либеральных ценностей, и эта страна, считающаяся чуть ли ни образцом либеральных порядков, — но при этом в ней не было ни одной либеральной партии, ни одного массового либерального движения, — на самом деле представляет собой весьма традиционное общество. И сегодня многие порядки, которые там установлены, просто противоречат самой идее свободы).

Повторю еще раз: теоретическая картина либерализма одна, а вот картинок воплощения его принципов в различных странах — много. И оценить должным образом характер институализации этих ценностей можно только на практике, а не исключительно теоретическими средствами. Между теорией и практикой существуют определенные противоречия и их надо четко осознавать.

Вопрос (А.В. Бузгалин):

У меня фундаментальный вопрос. Где та граница, когда мы говорим, что по эту сторону — либерализм (любой — со-

циальный, американский, российский), — а вот перешли эту границу, и попали в социал-демократию (опять же, любую — российскую, немецкую и т. п.)? А перешли на другую сторону границы — и попали в тоталитаризм, консерватизм и т. п. Можно как-то задать — более или менее жестко — эту границу?

Ответ:

Если Вы имеете в виду практические формы воплощения идеологий, то мы только что об этом говорили. Это проблема оценивания характера государственной политики, конституции, общественного климата и др. Если Вы говорите о теоретических критериях, то здесь проблемы нет, поскольку основные принципы, устои, концепты, их особая конфигурация в каждом из учений сами себя отстраивают от оппонентов. И в каждой теории существуют свои основные критерии самоидентификации.

А.В. Бузгалин:

Какую теорию Вы считаете наиболее обоснованной и сами разделяете ее?

Ответ:

Для меня наиболее адекватной теорией является политическая философия либерализма. А вот что касается практического воплощения тех или иных программ — в том числе и либеральных, то здесь ситуация иная. Как показывает практика, в реальной государственной политике могут сочетаться меры и инструменты, относящиеся к различным идейным конструкциям. Хотя, конечно, есть и абсолютно универсальные технологии, которые реализуют и дистанцированные, и идейно близкие доктрины. Любое правительство — при всей определенности его социальной линии — в реальной политике всегда сохраняет возможность решать какие-то задачи, используя такие меры, которые могут быть идентифицированы и как социал-демократические, и как либеральные (неолибераль-

ные). И если говорить о принципиальных идеологических разломах, то нужно обращаться либо к оценке наиболее крупных социально-экономических или административных проектов правительства, либо к конституционным устоям государства. В ряде случаев четкие идеологические критерии государственной политики существуют. Возьмите хотя бы политику либертариалов и политику социалистов: там и теория, и практика демонстрируют четкие взаимные различия. Но если вы берете неолиберальные проекты, кейнсианские тактики, то они, безусловно, сближаются с какими-то социал-демократическими акциями. Здесь границы идеологий в рамках государственной политики весьма и весьма размыты. Но опять-таки, даже в этом случае, обращаясь к принципиальным основаниям государственной политики, мы всегда видим, что неолибералы — при всей «социалистичности» своих отдельных действий — настаивают на сохранении частной собственности, свободного рынка. Так что и практика может демонстрировать различия идейных ориентиров, но для их адекватного отображения необходимо учитывать специфику различных уровней формирования государственной политики.

А.В. Бузгалин:

А теоретически развести социал-демократию и либерализм можно?

Ответ:

Конечно, можно. Либерализм любые социальные акции и проекты строит исключительно на принципах свободы индивидов, прав человека, рыночных отношений и проч. А социал-демократия, как мне помнится, ориентирована на иные, прежде всего перераспределительные приоритеты.

А.В. Бузгалин:

Это ведь классический либерализм. А чем либерализм отличается от социал-демократии?

Ответ:

Прежде всего жестким соблюдением и гарантиями прав частной (в том числе и крупной) собственности, прокламацией политики «свободного рынка», независимостью индивида, практическим отсутствием социальных программ и любых иных действий, которые «развращают» граждан, отучая их от конкуренции и напряженного труда, и т. д.

Вопрос (А.Н. Окара):

Сейчас происходит размывание концептуальных границ идеологий. И все-таки: неолиберализм, неоконсерватизм — что из них можно отнести к либерализму, а что к консерватизму? Где между ними проходит граница хотя бы в плане базовых, теоретических вещей?

И второе. Все-таки у либерализма в России — скажем, начиная с XIX в. — имеются какие-то концептуальные отличия от базовой модели либерального учения (допустим, в англосаксонском варианте)?

И третий вопрос. Либерализм — в том виде, в каком он существовал в общественном дискурсе с 1990-х до 2000-х гг. (которые олицетворял тот же самый Чубайс), — что содержал собственно либерального? То есть, каково использование этого бренда и, отчасти, этого концепта в нашей постсоветской действительности?

Ответ:

Если говорить очень коротко, то неоконсерватор — это либерал, который признает традиции. Если вы помните, неоконсерватизм по существу стал ответом на тот ориентационный кризис, который возник во второй трети прошлого века на Западе и который был порожден не только социальными, экономическими факторами, но и экологическими причинами, отчуждением человека от природы. В этом отношении консерватизм ориентировал человека на известные ему традиционные ценности, которые всегда были характерны для

англосаксов, — семью, религию, взаимную ответственность, корпоративную поддержку (я имею в виду парламентаризм). Но при этом основные, уже институализированные в том обществе либеральные ценности оставались неприкосновенными. Это и гарантия проявления политической активности индивидов, и частная собственность, и рынок, и др. При этом общество — в виде государственной власти — гарантировало людям *порядок и законодательную поддержку*. Это сочетание ценностей и есть формула неоконсерватизма, который в конце прошлого века произвел буквально революцию в общественном сознании. Именно это течение мыслилось как «идеология XXI века», обладающая превалирующим воздействием на массовую аудиторию. Но, как можно видеть, и в этой конструкции были сохранены основные идеи либерализма. Более того, неоконсерватизм не менял основные институты либерализма. Но сказать, что либералы вынужденно приняли облик таких неоконсерваторов, было бы неверно. В чисто теоретическом аспекте я не могу квалифицированно комментировать какие-то оттенки взаимоотношений между либералами и неоконсерваторами — здесь надо быть более узким специалистом. Но могу сказать, что с точки зрения массовой психологии неоконсерватизм стал единым комплексом идей и ценностей, на которые ориентировались люди и что помогло западному обществу пережить этот кризис. Здесь возникла такая форма идейного синтеза, которая придала либеральным ценностям новый уровень требований — и к государству, и к обществу, и к индивиду. Но и каноны либерализма также сохранились. И хотя там были мировоззренческие коллизии, на которые либерализм и консерватизм давали неодинаковые ответы, все же неоконсервативная волна (где, кстати, присутствовали и некоторые социалистические идеи) подняла и репутацию либерального течения.

Второй вопрос — о российском либерализме. В его отечественной версии сполна проявилась наша общая интеллектуальная традиция, а именно — склонность к морализации.

В докладе я отметил, что, к примеру, Чичерин настаивал на центральном значении человеколюбия, использовании морально-этических инструментов, которые в большей степени позволяют людям сохранить и автономность, и связь с обществом, и реализовать свои социальные идеи. Одновременно можно говорить и о другой особенности российского либерализма — в частности, о поверхностном, охлократическом усвоении его основных принципов. Не случайно (это тоже есть в докладе) и в XIX в., и в конце XX в. в общественном дискурсе едва ли не задавали тон откровенные формы раннего, вульгарного либерализма, в рамках которых прекрасно чувствовали себя сугубо анархистские ценности. Это была форма внутренней смуты тоталитарного сознания.

Вы совершенно правильно говорите о том, что либерализм представлял в то время скорее бренд, чем какую-то концептуальную систему политических ориентиров. Под своей торговой маркой либерализм существовал как комплекс идей, призванных разрушить советскую систему. Ну, а его ориентационно-конструирующая функция тоже понималась весьма упрощенно, хотя и помогла вызвать некую антикоммунистическую волну. При этом марка либерализма во многом использовалась и в целях наиболее агрессивных группировок, оказавшихся вблизи от власти. Одним словом, понятно, что этот комплекс идей был далек от подлинных принципов этого учения, а вот в практическом плане даже его примитивным формам удалось расколоть общественное сознание. Вообще ситуацию 1990-х гг. комментировать очень трудно, потому что мы, как участники тех процессов, были не свободны от многих стереотипов в усвоении всех этих идей, которые обладают совершенно определенной репутацией и в массовом, и в элитарном сознании. Теоретически понятно, что в то время либерализм — в рамках высокой протестной волны — неизбежно был синтезирован с различными формами радикального протеста против коммунистической, социалистической идеологии. И я хочу обратить внимание на

то, что дискурс 1990-х гг. действительно дал очень сложные сочетания разных идеологий. Вспомните: тогда даже самая устойчивая идеологическая система (фундаменталистски ориентированная часть социалистической идеологии) начала прямо смыкаться с формами радикального протеста против формирующихся порядков (в результате чего и появились такие термины, как красно-коричневые). В это идейное месиво попал и либерализм. Сейчас хорошо понятно, что даже те политики, которые руководствовались этой идеологией, немного лукавили, хитрили и создавали такие политические декорации, которые были не вполне либеральными. Ведь даже в практическом плане это служило пропуском к кормушке, и многие от этого «либерализма» получили достаточно (как сказал Д.С. Чернавский, «нахапали»). Но считать, что это было результатом либеральной революции, невозможно. «Хапали», прикрываясь наиболее модным идеологическим брендом. И, кстати, продолжают это делать и сегодня, но уже без таких сложных идейных занавесок. Так что в 1990-е гг. либерализм не был ни массовой идеологией, ни ориентиром для элитных слоев. Это был период его первоначального включения в общественный дискурс, который носил хаотический характер. И этот характер публичных дискуссий наложил отпечаток и на формы либерализма. Я, кстати, писал об охлократическом, уличном, консервативном и других формах либерализма, которые существовали в то время. Одним словом, либерализм не избежал участи опрошения и упрощения своей идейной конструкции. Это было время первой прививки либерализма тоталитарному сознанию. И у него оказалось много поклонников — и фанатов, и идиотов, и по-настоящему преданных этой идее людей. Короче, в жесткое время либерализм открыл дверь в российское общество.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Если отнестись к либерализму как к чистой идее, то в чем его базисные, смысловые основания? И что именно заключе-

но в этой идее? Для кого она прежде всего предназначена и применима? И зачем им эта идея? Что она им дает? Итак: что? для кого? и зачем?

Ответ:

Отвечаю: все это прописано на третьей странице представленного доклада. Теоретический и идеологический контур либерализма — это примат индивидуальной свободы, рационализма, приоритет индивида перед обществом, принципиальное значение прав человека и его ответственности перед сообществом, ценности основанного на конкуренции и частной собственности рынка, конституционализм, разделение властей, неприкосновенность частной собственности и т. д. и т. п. Без институализации таких принципов (в виде разделения властей, гражданского контроля и т. д.) общество не способно осуществлять контроль над государством; люди не имеют возможности использовать власть для достижения своих интересов, а в обществе качественно снижаются источники социальной энергии.

С.С. Сулакшин:

Разделение властей не может характеризовать чистую идею. Начать надо с того, что обнажить эту категорию, но не применительно к воплощениям государственного устройства и т. д., а более абстрактно, философски углубить, чтобы показать, что это такое.

А.И. Соловьев:

Хорошо, углубляю. Либерализм — это особое мировоззрение личности, человека, для которого ценности его индивидуальной свободы и ответственного отношения перед обществом являются абсолютным ценностным приоритетом.

С.С. Сулакшин:

А зачем ему это?

Ответ:

Ему это необходимо для обеспечения наиболее полного самовыражения и самореализации в том социуме, где человек вынужден проживать свою жизнь.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Как же все-таки совмещаются свобода и ответственность?

Ответ:

Я уже говорил, что это вопрос не столько теоретический, сколько практический и конкретно-исторический, когда каждое государство, ориентированное на подобного рода ценности, выбирает ту или иную (конституционную, правовую, политическую, организационную и проч.) форму для совмещения интересов индивида и общества.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Спасибо, Александр Иванович, Вы мне очень помогли в моем будущем оппонирующем выступлении.

Второй вопрос. Отталкиваюсь от Вашего тезиса, что либеральные и, соответственно, наиболее успешные государства имеют возможность, благодаря этому ресурсному потенциалу, накапливать свою силу. Вот я записал: «те государства, которые на сегодня основываются в своем устройстве и практике на принципах либерализма, успешны. Это недоступно тем государствам, у которых нет соответствующего ресурсного потенциала». Замечательно. Перевожу это со словарем. Получается, что либерализм — это возможность *силь-но-го*. Так чем отличается право *силь-но-го* от идеи либерализма?

Ответ:

К сожалению, силлогизма в Вашем вопросе явно не получается. Но попытаюсь ответить, как я Вас понял. Давайте начнем с того, что определим, в чем проявляется сила обще-

ства и сила государства. Адам Смит, как известно, воевал против тех, кто считал, что главный показатель силы государства — запасы золота и серебра, им накопленные. Смит доказал, что главным критерием является количество товаров и услуг, объем и производство которых напрямую связаны с наличием свободной деятельности человека. Если перенести на современность, это означает, что если мы будем подходить к оценке силы общества и государства с физикалистскими мерками, т. е. считать: у кого — ядерное оружие, у кого — большая территория, у кого выше ВВП на душу населения и т. д., то получим одну иерархию, один рейтинг силы. Другой вопрос — насколько люди, которые живут в том или ином государстве, на той или иной территории, под этой властью довольны своей жизнью, способны к социальному творчеству и самовыражению? Насколько им эта власть не мешает, а помогает жить, помогает реализовывать свои задатки? При чем всем без исключения. С этой точки зрения, мы можем получить совершенно другую картину. То есть и репутационный рейтинг, и ресурсная оснащенность, и другие показатели силы государства формируют совершенно иные облики этого института. Вдумайтесь: в чем для современного государства выражается проблема развития и в чем тогда вызов либерализму? С моей точки зрения, либерализм как раз и настаивает на праве индивида, праве общества на ту форму организации власти и совместной жизни, которая позволяет каждому человеку ощущать себя свободным и одновременно защищенным на этой государственной территории. И потому либеральное государство не просто обеспечивает массам населения социальное пространство свободы, но и помогает гражданину тогда, когда у него что-то не получается при реализации своих прав и свобод. Но какими методами государство должно купировать эти издержки свободы и как именно должно вмешиваться в дела населения (чтобы не навредить человеку) — это уже вопрос *организации* силы власти. И даже перед западным обществом стоят такие про-

блемы, поскольку общество там живое, и люди постоянно экспериментируют со своими потребностями.

С.С. Сулакшин:

Ответ на вопрос увел Вас в сторону...

А.И. Соловьев:

Почему? Я Вам показал, что оценка силы государства — понятие относительное. Какая у Вас система ценностей — то Вы и видите в государстве, так и оцениваете его ресурсы.

С.С. Сулакшин:

Третий вопрос. Он касается мегаисторической перспективы так называемого либерализма. С моей точки зрения, в реальной человеческой практике либерализма нет и быть не может. Он убивает сам себя, как только пытается перейти из состояния чистой идеи в реальное воплощение. Либерализм исчезает. Почему? Единственным либералом в истории человечества был Робинзон Крузо — причем лишь до того момента, пока рядом с ним не появился Пятница. Как только возникает хотя бы один Пятница, вы оказываетесь вынужденными к чистой, идеальной формуле «свобода и права индивида» цеплять хвостик — ответственность, т. е. входите в пространство социализированности. То есть для этого пространственного воплощения имеются совершенно иная терминология, обозначения, конструкты и смыслы — со словами «социаль», социализм, коммунизм и т. д. Но если либерализм — чистый, категориальный, идеальный, смысловой — настаивает на своем праве на существование на практике, то это не что иное, как — перефразируя Ваш тезис — право и возможность сильного меньшинства осуществлять свой эгоизм, производить насилие, паразитировать на других стратах и индивидах, менее сильных и ресурсных в обществе; это расизм, фашизм — список можно продолжить. Современный либерализм — это не что иное, как неорасизм, если освободить его от апологетической шелухи.

Мой вопрос (я эту преамбулу произнес для того, чтобы его задать): если эта идея убивает самое себя, и в мегаистории человечества мера социализированности является критерием прогресса, то откуда же будущее у этого либерализма, понимаемого как категория, как рекламная упаковка для оправдания своих режимов, своих ставок налогообложения, своих возможностей реализовать то, что нахапано — то ли в России, то ли в Америке, — свое право на эмиссию доллара и паразитическую систему в мире, вообще на паразитирование в мире? Откуда будущее у такой конструкции, у такого мировоззрения и даже временно успешных практик ее воплощения?

Ответ:

Очень эмоционально, Степан Степанович, но сейчас Вы продемонстрировали классический пример элементарной подмены понятий. Либерализм как эгоизм, расизм, да еще и идея-самоубийца! Простите, коллега, но это чистейший воды оксюморон и схоластика! И опять никакой силлогистики. Впрочем, помимо дефицита формальной логики в Ваших словах нет никакой исторической правды, ибо государство принуждает кого-то к чему-то не как носитель либерализма (социализма, консерватизма и проч.), а как *институт публичной власти* (временами неограниченной). Другими словами, государственная власть никогда не опирается на одни лишь идеологические инвективы, у нее значительно более широкая ресурсная и источниковая база. По сути Вы повторяете (только в негативном смысле) ошибку Фукуямы, который считал, что распространение идей либерализма неизбежно приведет к однотипному изменению государственной политики в разных странах. Отнюдь. Не забывайте к тому же, что госполитика — явление многогранное. И одни ценностные ориентиры в экономике не всегда соответствуют ведущим ориентирам государства в других областях — например, во внешней политике. Или российские танки, шед-

шие на Тбилиси, это тоже аналог экономического либерализма Кудрина? Впрочем, судя по Вашим репликам, основной раздражитель у Вас не столько либерализм, сколько США. Видимо я Вас удивлю, если скажу, что с моей точки зрения, США скорее традиционалистская, чем либеральная держава. И это, кстати, подтверждают многие американские ученые. Но в нашем случае дело в другом: если Вы не хотите, чтобы Америка выкручивала Вам руки — просто станьте сильнее Америки. Или сделайте наше государство хоть в чем-то привлекательнее для жизни обычных людей (а не истэблшмента). А то ведь пока наши «мозги» почему-то на Запад утекают. Правда, для этого надо не заклинания читать о закате либерализма, а научиться работать, как американцы. И сделать свое государство подконтрольным живущим в нем гражданам. Конечно, здесь можно много полемизировать, но, возвращаясь к теме дискуссии, скажу лишь одно: Вы гневаетесь не на либерализм как таковой, а на свое собственное понимание этой идеи. А оно, увы, весьма далеко от действительности. Так что все Ваши тезисы бьют мимо цели.

Тем не менее, обозначу два момента, которые лежат в основании Вашей гневной энциклики. Начну с понятия ответственности в либеральной конструкции. Эта форма взаимодействия появляется из обычного факта, когда человек относится к другому с пониманием наличия у того точно таких же социальных прав, как и у себя самого. Таким образом, попрание прав другого (других) будет означать и неприемлемое для человека ущемление его собственных прав. Поэтому, оберегая права другого (других) — т. е. проявляя ответственность за общий баланс прав, — человек защищает собственную свободу. Эта форма социального взаимодействия и предопределяет характер тех коммуникаций, которые возникают в процессе взаимодействия человека с человеком (группы с группой) и человека с властью. Поэтому либерализм ни на какие формы социальной асимметрии, монополизма, агрессии и проч., о которых Вы говорите, не

претендовал и не претендует. Это элементарный наговор и фантазии. Вы ругаете либерализм за то, чего в нем нет в принципе и не было изначально.

Еще один момент, который вызывает у Вас такое беспокойство, это проблема групповой и межстрановой конкуренции. Я уже говорил, что признание формального равенства прав не означает их фактического выравнивания. Одни люди и страны лучше других пользуются своими правами и возможностями, другие хуже. Это жесткая ситуация, но ничего другого в мире нет и в ближайшее время не будет. Надо учиться конкурировать, накапливать и эффективно использовать ресурсы. Конечно, это не оправдывает агрессию и насилие, применяемые различными странами. Но, опять-таки, причем тут либерализм? То, что либеральные демократии являются экономическими и военными лидерами в мире, доказывает только успешность их развития. Но то, что они используют право *сильного* при решении каких-то вопросов — это не что иное, как отображение суровой реальности, характера деятельности государства как такового. Все государства мира пытаются делать то же самое, что и сильные мира сего, но только в той мере, в какой им это позволяет ситуация и конкуренты. Никто не оправдывает ни Америку, ни любое другое государство за насильственное распространение своего влияния в мире. Но разве Германия или СССР, расширявшие свои территории в 1930–1940 гг., делали не то же самое? Или они делили Европу от избытка либерализма? Это я говорю к тому, чтобы мы чрезмерно не морализировали государственную политику. У любого — не важно, слабого или сильного, либерального или авторитарного — государства помимо базовых идеологических предпочтений существуют, условно говоря, органические интересы (связанные с обеспечением безопасности, расширением влияния, самохранением властвующего режима и проч.), которые они, не задумываясь, решают принудительным образом. Конечно, если их не остановят соперники или мировое сообщество.

И думать, что власть при решении всех этих задач руководствуется какой-то единой идеологией, значит неоправданно упрощать ситуацию. Или расписываться в непонимании природы политического пространства и государства как общественного института. В общем, не надо «переводить стрелки» на либерализм за универсальные политические технологии, которые используют все государства мира. Это то же самое, что критиковать К. Маркса за сталинские репрессии 1937 г. Боюсь, что Вам просто обидно за то, что не мы определяем, кому куда бежать в этом мире. То есть либерализм страдает исключительно из-за посттравматического синдрома имперского сознания.

Что же касается перспектив либерализма, то мне представляется, что они у либерализма весьма позитивные. Ведь пока человек жив — и не важно, в какой стране — его развитие, а вместе с этим и развитие общества, всегда будет связано с расширением его прав и свобод, его личным достоинством, его потребностями в самосовершенствовании. Ну, а те, кого идея развития не привлекает, конечно же, будут топтать либерализм и настаивать на том, что людям противно их свободное и ответственное осуществление своей жизни.

Реплика (В.Г. Федотова):

Прошли 1990-е гг., когда люди называли себя либералами...

А.И. Соловьев:

Мы уже говорили, что под этим брендом могут скрывать ся отнюдь не аутентичные формы либерализма. Объяснять людям, что они поверхностно и выборочно усвоили некую систему идей, восприняв за истину совсем не то, что следовало бы, конечно, тяжело. К примеру, даже в более близком сердцу россиянина социализме сторонникам фундаменталистской линии трудно объяснить логику марксизма, изложенную в Анти-Дюринге. То есть объяснить ему можно, но сердцем он этого не поймет. Такая же ситуация и с неорга-

ничным для России либерализмом. Почему же люди сторонятся этой идеи? Говоря *гипотетически*, здесь две причины. Первая — это очевидное для многих прикрытие либерализмом тех позиций, которые использовались и используются для реализации власти предрержащими групповых интересов наиболее «сильных» (бюрократических, финансовых, экономических, криминальных) корпораций. Эта имитация либерализма заметна, повторяю, всем. Второй момент — это, конечно, страх за свое положение и одновременно понимание *нежизнеспособности* той власти, которая удерживает сложившийся порядок. Люди боятся конкуренции, успешные группы (понимая, что либерализация — это подключение низовых структур к перераспределению ресурсов) боятся потерять то, что ими уже нажито («нахапано»). Ну, а поскольку такие страхи наиболее сильно развиты наверху, то у либерализма возникают большие проблемы с его участием в публичном дискурсе. Какую в таком случае наживку дают людям? Чаще всего — национальную идею. Вот этот концепт насильственной интеграции общества, призванный отвлечь людей от всяких там «демократий» и «плюрализмов» и укрепить действующую власть, все время оживает в общественном дискурсе. Этот инструмент имперской власти и призван вытравить в людях потребность в свободном выборе политической позиции, легитимировать власть на основе оторванных от жизни идей. Какой уж тут либерализм...

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Я позволю себе последний перед выступлениями вопрос, логически вытекающий из Вашего ответа. Поддерживаю призыв, что для понимания некой категории не нужно привинчивать к ней совершенно другие, категориально чуждые и самостоятельные качества, проявления и смыслы. В этой связи: каким же это образом к либерализму, как идеологии индивида, его свободы, привинчивается ответственность, которая связана уже не с индивидом, не со свободой, а с

ограничением свободы этого индивида, наличием других индивидов и общества, для чего есть самостоятельная категория — со-ци-аль-ность. Вы же привинтили одну категорию к другой. Но тогда я вынужден Вас в этой связи приветствовать и сказать, что Вы уничтожаете чистую идею либерализма и провозглашаете этакий социалистический либерализм. Или я неправ?

Ответ:

Боюсь, что если бы Локк — да и другие основоположники либерализма — узнали, что им отказано в анализе *социальности*, они просто перевернулись бы в гробу. Для сведения: категория «социальность» характеризует всеобщий, универсальный способ взаимодействия общественных акторов, т. е. является синонимом активности человека как родового существа. Поэтому ее референции в принципе не подразумевают качественную спецификацию коммуникаций любых действующих субъектов. Так что «ответственность» соотносится с «социальностью» точно так же, как «грядка огурцов» с «космическим пространством».

Еще раз повторяю: вся идеология либерализма стоит на признании неразрывности эволюции общества и индивида, их органической взаимосвязи. Но при понимании приоритета последнего. И этот приоритет индивида и его свобод, равно как и обязанность государства следить за неукоснительным соблюдением прав человека, закреплены в *общественном договоре*, утверждающем взаимную ответственность индивида и власти (т. е. государства как инструмента общества). Все это детально описано («прикручено» и «завинчено») в классических работах. Читайте и «обрящете». Однако конкретный уровень ответственного отношения индивида и общества определяется реальной политикой столь же конкретного государства. Понятно, что на уровне публичных социальных связей отношения взаимной ответственности начинают усложняться, и созданные для контроля за ними институты

власти переходят от одних регулятивных норм к другим, от одних стандартов к другим и т. д. Это реальная форма политической жизни общества и государства. В то же время, по мере общественного развития, когда исторически меняются связи государства и общества (а равно и роль индивида в экономической или иных сферах жизни), эти отношения и теоретически интерпретируются иначе. Одни либеральные теоретики, относящиеся, к примеру, к классической линии, интерпретировали эти связи в плане большей автономности человека, а неолибералы исходили из того, что человек по преимуществу является составной частью этого социума. Поэтому, мол, государство и должно чаще вмешиваться в эти отношения. Так что я ничего «не привинчиваю», а излагаю *концепцию* (не собственную версию) либерализма, которая эволюционирует и демонстрирует свои разные теоретические формы.

В дискуссии выступили:

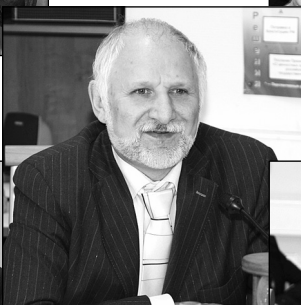
Багдасарян В.Э.

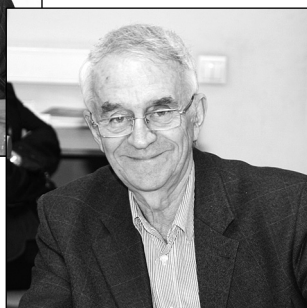
Федотова В.Г.

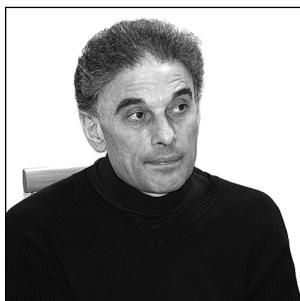
Чернавский Д.С.

Сулакшин С.С.

Лексин В.Н.

Римский В.Л.

Окара А.Н.